

ПЕРМСКАЯ УЧЕНАЯ АРХИВНАЯ КОМИССИЯ И ЕЕ ДЕЯТЕЛИ

Открытие в Перми ученой архивной комиссии предшествовал период создания условий, необходимых для успешной общественной деятельности, прежде всего направленной на изучение края, его прошлого и настоящего, а также появления круга лиц, для которых такая деятельность стала бы потребностью.

На фоне институциональных преобразований 1860 – 1870-х гг., развития местного самоуправления, деятельности земских учреждений на Урале наблюдался подъем общественной, политической и культурной жизни. Качественные изменения происходили в организации начального и профессионального образования, расширялась сеть учебных заведений, наблюдался рост грамотности и культурности населения, его потребности в чтении, в общественных библиотеках, книжных лавках, заметно возрос интерес к науке, истории, просветительству.

Многочисленные материалы для изучения Урала и его населения в экономическом и историческом отношении печатались на страницах Пермских сборников 1859 и 1860 гг., «Сборников Пермского земства», «Пермских епархиальных ведомостей», неофициальной части «Пермских губернских ведомостей», приложений к «Памятным книжкам» губернского статкомитета¹. Все это свидетельствовало не только о пробуж-

¹ См.: *Бобылев Д. М.* Указатель некоторых историко-статистических работ и других материалов по изучению Пермского края, помещенных в «Сборнике Пермского земства» за время с 1873 по 1903 гг. // Тр. ПУАК. Пермь, 1903. Вып. 6. С. 130–135; *Шестаков И. В.* Указатель статей по истории археологии, помещенных в «Пермских епархиальных ведомостях». 1867 – 1915. Сарапул, 1915. 37 с.; *Кустов В. А.* Газета «Пермские губернские ведомости» как источник по истории края // 250 лет Перми: Материалы науч. конф. Пермь, 1973. С. 70–71; *Алеврас Н. Н.* Пермские губернские ведомости о положении уральских рабочих (1861 – 1881) // Положение и борьба трудящихся Урала XVIII – нач. XX вв. Свердловск, 1987. С. 27–40.

ждении огромного интереса к истории и природе Урала, населяющим его народам и их предкам, к историческим документам, но и о наличии в провинции определенного научного потенциала. Наиболее активная, склонная к исследовательской деятельности часть уральской интеллигенции искала новые формы для объединения своих сил. Она стала обретать их именно в пореформенную эпоху, которая ознаменовалась для всей России и для Урала, в частности, созданием сети культурно-просветительных, научно-краеведческих и других общественных организаций (разнообразных многочисленных религиозных, драматических, музыкальных, спортивных и других обществ, торговых, промышленных и прочих компаний, страховых и акционерных обществ, клубов по интересам – автомобильных, авиационных, фото- и иных «любителей», обществ трезвости, охоты, благотворительных и т. д.)². Среди крупнейших и наиболее известных на Урале научно-краеведческих обществ, таких как Уральское общество любителей естествознания (УОЛЕ) и его отделение – Пермская комиссия (с 1900 г. Пермский научно-промышленный музей), Медицинское, Техническое, Экономическое и др., была и Пермская ученая архивная комиссия (ПУАК). Ее появление связано скорее не с местными, а с общероссийскими проблемами и потребностями.

Как известно, в ряду буржуазных реформ 1860 – 1870-х гг. архивная реформа не состоялась, хотя вопрос о ее проведении ставился неоднократно, прежде всего видным архивистом и ученым Н. В. Калачовым. С 1869 г. проблемы архивного дела и археографии регулярно обсуждались на археологических съездах (всего в дореволюционный период их было 15). Нерешенных же проблем архивного строительства было много: это и общая реорганизация архивного дела в стране, и проблема кадров архивистов, и особенно волновавшая русскую научную общественность практика массового уничтожения дел архивами, вызванная огром-

² См.: *Побережников И. В.* Общество в контексте модернизации: Урал во 2-й пол. XIX – нач. XX вв.: институциональные, социальные, экологические перемены // *Российская модернизация XIX – XX веков: Сб. науч. ст.* Уфа, 1997. С. 37–60; *Пирогова Е. П.* Научно-краеведческие общества пореформенного Урала // *Уральский сборник. История. Культура. Религия.* Вып. 2. Екатеринбург, 1998. С. 185–197.

ным потоком документации, хлынувшей в них из упраздненных и преобразованных учреждений. Правительство, с одной стороны, было заинтересовано в спасении архивных материалов, но с другой – боялось и не хотело проводить централизацию архивного дела по примеру большинства европейских государств, предпочитая оставить архивы в руках дворянской бюрократии. Создание с 1884 г. губернских ученых архивных комиссий было временной мерой и явилось, по сути, результатом неудачной попытки Н. В. Калачова добиться проведения в России общей архивной реформы. На эти организации была возложена государством особая, специфическая миссия, связанная с упорядочением архивного дела на местах и созданием в конечном итоге губернских исторических архивов.

В Положении 1884 г. задачи архивных комиссий определены следующим образом: создать в губерниях местные исторические архивы «для сосредоточения и вечного хранения архивных дел и документов, не требующихся для текущего делопроизводства, но... важных в историческом отношении», привести эти архивы в порядок, т. е. составить делам «надлежащие» описи и указатели и расположить их «в таком порядке, чтобы они были доступны для ученых занятий...»³. Таким образом, архивные комиссии могли комплектовать свои исторические архивы только из документов, уже предназначенных местными учреждениями к уничтожению. При этом Положение не определяло, архивы каких именно учреждений должны были быть обследованы комиссиями, каков порядок отбора документов, критерии их оценок и другие не менее принципиальные вопросы, с которыми вынуждены были постоянно сталкиваться члены комиссий. Отрицательно сказалось на их работе и то, что в Положении ничего не говорилось о правах комиссий. Не решен был по существу вопрос материального обеспечения их деятельности.

Специальных исследований, посвященных истории отдельных губернских ученых архивных комиссий, немного, хотя интерес к их дея-

³ Положение о губернских ученых архивных комиссиях, высочайше утвержденное 13 апреля 1884 г. // Тр. ПУАК. Пермь, 1892. Вып. 1. С. 5.

тельности в последние годы заметно усилился: в 1994 г. в Твери даже была проведена общероссийская научная конференция, посвященная 110-летию начала создания комиссий⁴. Данная статья является практически первой публикацией, посвященной Пермской комиссии⁵. В ней будут рассмотрены, кроме архивной, и другие направления деятельности этой комиссии, позволяющие относить ее к числу научно-краеведческих обществ дореволюционного Урала.

Хотя Пермская ученая архивная комиссия возникла по государственной инициативе, вопрос об ее открытии впервые был поставлен местной общественностью. Уже в 1884 г., после опубликования Положения от 13 апреля, в Пермских губернских ведомостях появилась статья уральского историка А. А. Дмитриева, в которой поднималась проблема сохранности «памятников древности» и приветствовалась идея создания специальной комиссии, обладающей «достаточной научной компетенцией в деле оценки исторических материалов»⁶. Но этот вопрос был решен только через четыре года. В 1888 г. состоялось учредительное собрание, а в следующем, 1889 г., – официальное открытие (после утверждения министерством внутренних дел) Пермской ученой архивной комиссии. Она стала десятой по времени возникновения в России и второй (после Оренбургской) на Урале.

* * *

Прежде всего выясним, каковы были источники комплектования исторического архива ПУАК, т. е. с архивами каких учреждений она работала. В 1903 г. комиссия отвечала на подобный запрос министерст-

⁴ Общая библиография по истории губернских ученых архивных комиссий дана в монографии: *Макарихин В. П.* Губернские ученые архивные комиссии России. Ниж. Новгород, 1991. С. 102. См. также: *Писарькова Л. Ф.* Губернские ученые архивные комиссии: организация, численность и условия деятельности // АЕ за 1989 г. М., 1990. С. 188; *Пирогова Е. П.* Деятельность Оренбургской ученой архивной комиссии // Историография общественной мысли дореволюционного Урала. Свердловск, 1988. С. 69–77.

⁵ Имеется одна статья информационного характера: *Булах В. Н.* К вопросу о деятельности Пермской ученой архивной комиссии (1888 – 1916 гг.) // Вспомогательные исторические дисциплины. Свердловск, 1974. Сб. 1. С. 92–95.

⁶ *Дмитриев А.* Исторические архивы // ПГВ. 1884. № 49.

ва внутренних дел, благодаря чему нам стало известно, что это были в первую очередь губернские учреждения (архивы Губернского правления и Канцелярии губернатора («губернский архив»), Окружного суда, Казенной палаты и Управления госимуществ) и уездные (архивы ряда полицейских управлений, судов, казначейств, земских управ, городских магистратов и других более мелких учреждений)⁷. Назовем еще богатейший архив Уральского горного управления, который являлся старейшим на Урале. Всего только в Пермской губернии в ведении ПУАК находилось 852 архива, не считая архивов духовного ведомства (о них ниже) и находящихся при учебных заведениях⁸. Таким образом, по сравнению с другими архивными комиссиями, круг местных учреждений, с архивами которых знакомилась Пермская комиссия, был более обширным⁹. К тому же ей приходилось иметь дело не только с учреждениями Пермской губернии. В 1901 г. на запрос директора Петербургского археологического института, возглавлявшего работу губернских учебных архивных комиссий страны, разбор архивов каких губерний (не имевших своих комиссий) могла бы взять на себя дополнительно ПУАК, последняя ответила, что «с практической и научно-исторической точки зрения желательно и возможно сосредоточить в Пермской комиссии разбор архивных дел Пермской, Вятской и Тобольской губерний», поскольку все они имели «и в далекой старине и в сравнительно недавнем прошлом... много общего... в церковно и административно-историческом отношении...»¹⁰ И действительно, вскоре в Пермскую комиссию стали поступать описи из архивов Вятского управления госимуществ, а также Тобольской и Омской казенных палат. Нам, однако, не известны случаи, чтобы архивы этих губерний высылали Пермской комиссии выделенные ею при просмотре описей дела для хранения. Исторический архив по-прежнему комплектовался из местных документов.

⁷ РГИА. Ф. 1284. Оп. 185. Д. 35. Л. 143, 183.

⁸ Краткий очерк деятельности ПУАК в 1912 – 1913 гг. // Тр. ПУАК. Пермь, 1914. Вып. 2. С. 5.

⁹ Ср.: Бржостовская Н. В. Деятельность губернских архивных комиссий по созданию исторических архивов // Тр. / Моск. ин-т. арх. ин-т. 1954. Т. 5. С. 87–88.

¹⁰ ЛГИА. Ф. 119. Оп. 1. Д. 561. Л. 152–152 об.

Помимо архивов местных правительственных учреждений комиссия обращалась и к другим категориям архивов, например духовного ведомства. Отметим здесь, что еще задолго до открытия ПУАК, в начале 1870-х гг., был начат разбор архивных дел Пермской духовной консистории особой «комиссией». Как вспоминал позднее один из ее членов М. И. Капустин, эта «комиссия» состояла всего из двух человек – священников, которые брали из архива «серию дел» и просматривали их каждый у себя дома. Не имея никаких инструкций и указаний, они выбирали дела, представляющие, по их мнению, «научный исторический интерес», и публиковали их в Пермских епархиальных ведомостях, стараясь при этом придерживаться «строжайшего соблюдения исторической истины» и передавать тексты «дословно». Всего за 1870 – 1873 гг. этой «комиссией» было сделано 10 публикаций под общим заглавием «Материалы для истории Пермской епархии»¹¹. При этом дела как будто оставались в архиве. В начале 1890-х гг. в архиве духовной консистории работали уже члены ПУАК: они составили и опубликовали подробную опись дел этого архива. Частично ими были разобраны другие церковные архивы¹².

Большой интерес проявила Пермская ученая архивная комиссия к «личным» и заводским архивам, хотя на них Положение 1884 г. не распространялось, они являлись частной собственностью, и их владельцы были вольны распоряжаться ими по своему усмотрению. Однако члены комиссии справедливо считали, что в этих архивах сосредоточены ценнейшие документы, и прилагали все усилия, чтобы получить к ним доступ. В январском протоколе 1891 г. отмечено: «...собирать сведения о частных архивах, равно архивах, имеющихся при заводууправлениях, при случае убеждать частных лиц жертвовать имеющиеся у них документы в архивную комиссию»¹³. В другом протоколе (ноябрь 1892 г.)

¹¹ Капустин М. И. Комиссия по разбору архивных дел Пермской духовной консистории // Тр. ПУАК. Пермь, 1904. Вып. 7. С. 87–92.

¹² См.: Шестаков И. В. Указатель дел архива Пермской духовной консистории // Тр. ПУАК. Пермь, 1896. Вып. 3. С. 67–84; Пономарев П. П. Из церковных архивов // Там же. С. 85–94.

¹³ ГАПО. Ф. 297. Оп. 4. Д. 5. Л. 2 об.

говорилось о необходимости «обращать внимание на казенные медеплавильные заводы, где очень ценные архивы». Было решено просить члена комиссии А. Дмитриева, посещавшего «иногда, по... служебным обязанностям Юговской завод, принять на себя труд по ознакомлению с этим архивом и дать о нем свое заключение»¹⁴. Трудно сказать, насколько Пермской комиссии удалось осуществить «ознакомление» с частными и заводскими архивами. В 1904 г., например, член комиссии Л. Е. Воеводин осмотрел «некоторые» заводские архивы графа Стенбок-Фермора и сделал краткий обзор некоторых дел. Но при этом вопрос о передаче их в архивную комиссию не стоял¹⁵.

Существовал еще один источник комплектования исторического архива. С начала 1890-х гг. в ПУАК поступали дела, касающиеся Пермской губернии, из Сенатского архива (судя по отчетам, эти поступления не прекращались еще в 1900 и 1901 гг.). Правда, по оценке самой архивной комиссии, это были дела третьей степени важности или даже только «экстракты» дел, не представлявшие «существенного интереса»¹⁶. Такая практика высылки документальных материалов центральными архивами местным архивным комиссиям была довольно распространенной. Столичные архивы охотно освобождались от «лишних» дел¹⁷.

При таком огромном фронте деятельности ПУАК имела чрезвычайно скудные материальные возможности. Безденежье – общая беда всех губернских ученых архивных комиссий, но, кажется, Пермская была одной из самых нуждающихся. В Положении 1884 г. о денежных средствах архивных комиссий говорилось весьма неопределенно: предлагалось «покрывать» расходы «из средств, имеющихся в распоряжении Археологического института, и из местных пожертвований в пользу науки...»¹⁸ Но поскольку Археологический институт сам едва сводил

¹⁴ ГАПО. Ф. 297. Оп. 4. Д. 5. Л. 22 об.

¹⁵ См.: Воеводин Л. Е. Беглый обзор заводских архивов г. Стенбок-Фермор // Тр. ПУАК. Пермь, 1905. Вып. 9. С. 101–103.

¹⁶ ГАПО. Ф. 297. Оп. 4. Д. 5. Л. 29 об.

¹⁷ См.: Бржостовская Н. В. Деятельность... С. 99–100.

¹⁸ Положение о губернских ученых архивных комиссиях... С. 6.

концы с концами, оставалось уповать только на «местные пожертвования» – источник крайне ненадежный. Пермский губернатор Лукошков, обращаясь в начале 1889 г. через директора Археологического института к министру внутренних дел с просьбой о «дозволении» открыть архивную комиссию, сообщал: «...на содержание предполагаемой к открытию в Перми ученой архивной комиссии Пермское уездное земское собрание ассигновало 200 рублей и Пермская городская дума – 300 рублей, причем последняя определила на будущее время вносить в смету на этот предмет 200 руб. ежегодно. Что же касается помещения комиссии, то канцелярия ее и архив будут пока находиться в свободном помещении при губернском архиве, а общие собрания членов будут делаться в зале губернского правления»¹⁹. На таких условиях и была открыта Пермская архивная комиссия. И губернатор, и директор Археологического института, и министр считали, что 500 рублей для открытия и по 200 рублей ежегодно вполне достаточно для функционирования комиссии. А вот как писали ее члены через три года деятельности: «Много ли могла сделать архивная комиссия при таких скудных средствах и может ли даже существовать она при настоящих постоянных источниках дохода?»²⁰ Не менее остро, вопреки заверениям губернатора, стояла проблема с помещением. В декабре 1889 г. А. А. Дмитриев, тогда председатель Пермской комиссии, обращаясь к директору Археологического института с просьбой о содействии, писал, что архивная комиссия в Перми «до сих пор не имеет никакого помещения, кроме квартиры председателя»²¹. Об этих же проблемах говорится в отчетах ПУАК за 1891 – 1892 гг. А. А. Дмитриев подавал записку новому губернатору П. Г. Погодину, где писал «о незавидном положении дел» архивной комиссии, прося его о предоставлении для нее особого помещения и «об изыскании средств для дополнения оскудевшей кассы архивной комиссии». Об этом А. А. Дмитриев сообщал и в очередном письме директору Археологиче-

¹⁹ ЛГИА. Ф. 119. Оп. 1. Д. 561. Л. 12–12 об.

²⁰ Очерк деятельности ПУАК за первые 3 года... // Тр. ПУАК. Пермь, 1892. Вып. 1. С. 18.

²¹ ЛГИА. Ф. 119. Оп. 1. Д. 561. Л. 16.

ского института в 1893 г., которого просил обратиться с официальным письмом на имя губернатора для поддержки Пермской архивной комиссии²². Во всяком случае в 1894 г. губернатор действительно обратился к земствам, которые выделили в итоге 1500 руб. единовременного пособия. На эти средства «по контракту» нанята была квартира, но это было временное (на три года) помещение, к тому же часть его пришлось уступить под музей другому обществу – Пермской комиссии УОЛЕ. По истечении же срока архивной комиссии пришлось снова «устроить помещение при квартире бывшего председателя...директора гимназии Алфионова». Для хранения части архивных дел, составлявших «основание исторического архива», сначала «отведены были холодные комнаты в общем губернском архиве»²³, а затем городской думой был выделен «пустой сгоревший дом», который к тому же должен был находиться в ведении еще трех пермских обществ. При этом городскими властями не только не были выделены средства на ремонт дома, но было решено лишить архивную комиссию ежегодного пособия в 200 руб.²⁴ Тогда же, как говорилось в неопубликованном отчете ПУАК за 1896 – 1897 гг., и земские пособия «по мере того, как обострялись отношения земства к губернатору... сначала уменьшались, а потом в большинстве и совсем прекратились»²⁵. Судя по отчетам, выплата пособий от земств возобновилась только с 1900 г., а от городской думы – с 1901 г., но уже по 150 руб. В том же отчете сказано, что только «необходимость заставила согласиться на все условия... все заботы сосредоточены на том, чтобы не дойти до крайности и выдержать трудное время»²⁶. С годами ситуация не улучшалась. В письме (без подписи) 1913 г., адресованном Пермскому губернскому правлению, говорилось, что за время «бездействия» архивной комиссии с 1905 по 1912 гг. ее исторический архив был перемещен вместе с архивом губернского правления «в наемную квартиру при

²² ЛГИА. Ф. 119. Оп. 1. Д. 561. Л. 76–77 об.

²³ ГАПО. Ф. 297. Оп. 4. Д. 7. Л. 46–46 об.

²⁴ См. журналы заседаний Городской думы: ГАСО. Ф. 101. Оп. 1. Д. 102. Л. 69 об.–72 об.

²⁵ ГАПО. Ф. 297. Оп. 4. Д. 7. Л. 46.

²⁶ Там же. Л. 48.

частном доме Фишмана... и сложен... в подвале... на пол костром» и что неоднократные ходатайства «пред начальником губернии дать Комиссии более удобное помещение» ни к чему не привели – «дела исторического архива продолжали лежать в сыром неотапливаемом помещении». Далее в письме говорилось, что 26 февраля (1913 г.?) архив был перемещен в каменный дом Л. Е. Воеводина (ул. Покровского, 14) и «приведен... в некоторый порядок». «Между прочим, – сообщал автор письма, – при разборке дел оказалось, что некоторые из них истлели и, вероятно, истлели бы еще более, если бы их оставить на прежнем месте. Архив комиссии помещен был вместе с губернским архивом *частным образом без описи и расписки* (курсив наш. – Е. П.), единственно по просьбе З. М. Благоднарова, чтоб не оставить дела под открытым небом за неимением для них какого бы то ни было помещения. Равным образом и принят он обратно комиссией без описи и без расписки»²⁷. В этом мало-пригодном подвальном помещении архив комиссии находился до 16 марта 1914 г., поскольку, как явствует из другого документа, «благодаря большому ливню... помещению угрожало наводнение и пришлось экстренно перенести архив в другое место», а именно – в мезонин того же дома. Обсуждению вопроса о «более удобном и безопасном помещении исторического архива» посвящено было специальное заседание комиссии 27 мая 1914 г., где было признано «целесообразным» нанять квартиру в том же доме Л. Е. Воеводина, в котором к тому времени целый этаж «три года квартировал архив пермского уездного земства». На заседании было отмечено, что помещение это «каменное, с двумя печами, просторным отдельным ходом и на одном дворе с членом Комиссии» (имелось в виду с Л. Е. Воеводиным). В результате собрание постановило «ассигновать на наем квартиры для исторического архива 300 рублей в год, на отопление до 10 сажень дров» и «небольшую сумму» на «содержание помещения в чистоте»²⁸. Но на наем и содержание квартиры средств,

²⁷ ГАПО. Ф. 297. Оп. 4. Д. 170. Л. 142–142 об.

²⁸ Там же. Д. 172. Л. 8–8 об.

очевидно, не хватало. В последнем неопубликованном отчете за 1915 – 1916 гг. снова читаем: «...не имея своего помещения, архивная комиссия вынуждена перекочевывать с ним (историческим архивом. – Е. П.) с одного места на другое...»²⁹

В 1901 г. ПУАК вынуждена была ввести членские взносы в размере одного рубля³⁰. Не удивительно, что в том же году «Исторический вестник», сообщая сведения о губернских ученых архивных комиссиях, о Пермской писал, что, проработав «первые три-четыре года» (в другом томе сказано «первые шесть лет») более или менее успешно, комиссия в своей деятельности «пошла на убыль: ассигнования и пожертвования сократились, заседания почти прекратились... “Труды” перестали выходить, и отчетов Комиссии с 1896 года не печаталось и не рассылалось...»³¹. О трудностях архивной комиссии, медленном продвижении описания местных архивов и пр. не раз писали А. А. Дмитриев и Д. Д. Смышляев³². В отчете за 1896 – 1897 гг. об открытии и деятельности архивной комиссии сказано, что, несмотря на то что в Перми много лиц, «пишущих заметки о старине и бытине», «местные исследователи края» оказались не готовы к открытию здесь архивной комиссии, которая явилась «искусственным созданием только на основании Положения... 13 апреля 1884...». Там же сказано, что 95 % учредителей «ни разу не посетили заседания архивной комиссии...»³³ Материальные и прочие трудности, навалившиеся на Пермскую комиссию, оказались непосильными для ее членов. Во 2-й половине 1890-х гг. активность комиссии почти ни в чем не проявлялась. Для основной деятельности – для работы с местными архивами – ее начальный период так и остался самым плодотворным.

²⁹ ГАПО. Ф. 297. Оп. 4. Д. 177. Л. 7 об.

³⁰ Вопрос о членских взносах дискутировался в жарких прениях, баллотировалось три суммы (5 руб., 3 руб. и 1 руб.), за которые проголосовало соответственно 3, 7 и 11 человек. См.: ГАПО. Ф. 297. Оп. 4. Д. 52. Л. 32.

³¹ Исторический вестник 1901. Т. 83. С. 405; Т. 86. С. 1101.

³² ЛГИА. Ф. 119. Оп. 1. Д. 561.

³³ ГАПО. Ф. 297. Оп. 4. Д. 7. Л. 51.

Рассмотрим, какими же методами руководствовались члены Пермской ученой архивной комиссии при отборе дел для своего исторического архива и их описании, что им удалось сделать в этом направлении. Подготовительные работы по организации исторического архива были начаты еще до официального открытия комиссии, с осени 1888 г. Тогда для разбора «старых дел» важнейшего в губернии архива Губернского правления был приглашен «один из местных любителей старины», чиновник Г. И. Головнин³⁴. По распоряжению губернатора, несомненно, заинтересованного в быстром приведении в порядок губернского архива, было разрешено выплачивать этому чиновнику 15 рублей в месяц «заимообразно» (т. е. в долг) из сумм губернской типографии. Вот что писал директору Археологического института А. А. Дмитриев, временно исполнявший в 1890 г. обязанность председателя ПУАК, о губернном архиве и отборе дел в нем: «...Головнин, за неимением помещения для комиссии, ограничивался пересмотром старых дел губернского архива и составлением особой описи делам, кои должны перейти затем в комиссию. Но сами дела оставались на прежних местах: при тесноте архива их некуда было даже откладывать...» Разбор дел велся Г. И. Головинным «довольно медленно, т. к. губернский архив оказался в большом беспорядке. Некоторые интересные и чрезвычайно важные для истории края дела оказались неизвестно когда и кем утраченными...»³⁵. Если главный архив губернии находился «в большом беспорядке», что можно было ожидать от других. «В архивах казенных учреждений Пермской губернии, – дополнял А. А. Дмитриева через три года его преемник на посту председателя комиссии Я. И. Алфионов, – скопилась такая масса дел, что господа управляющие...за неимением помещений поставлены в необходимость приступить к уничтожению большинства дел и притом старых...» Правда, Я. И. Алфионов пишет далее, перед продажей или уничтожением их описи все же доставлялись в архивную

³⁴ Очерк деятельности ПУАК за первые три года... С. 16.

³⁵ ЛГИА. Ф. 119. Оп. 1. Д. 561. Л. 16–16 об.

комиссию для просмотра, но времени давалось очень мало. Не удивительно, что нанимаемые по очереди чиновники руководствовались при отборе материалов для исторического архива порой «лишь одними заглавиями дел», при этом «составлять подробное описание» выделенным делам, как требовала архивная комиссия, у них не было времени³⁶. Вряд ли можно было вообще рассчитывать на добросовестность, а главное, компетентность чиновников при подборе дел в исторический архив. Надо отдать должное членам комиссии – они поняли это сами. Вскоре было принято решение пересматривать заново дела, предназначенные очередным чиновником к уничтожению, поскольку, говорилось в отчете, тот «как любитель только, но не специалист архивного дела, мог признать не важными в научном смысле и такие дела, которые в глазах специалиста достойны вечного хранения»³⁷. По договоренности с председателем Окружного суда, являвшимся членом ПУАК, члены комиссии получили возможность брать из архива суда для пересмотра те дела, которые были уже представлены чиновником к уничтожению. Дела эти временно хранились в мужской гимназии (председатель ПУАК Я. И. Алфионов был директором гимназии), где с ними работали члены комиссии А. С. Попов, М. И. Попов, А. А. Дмитриев, Н. Н. Новокрещенных и др. – всего 8 человек³⁸. Кроме того, с целью поставить действия чиновника в архиве под контроль и на «более правильную почву» было решено, что «по временам» его будет проверять человек, близко знакомый с архивом суда и делопроизводством, член комиссии судебный следователь Л. Н. Левицкий³⁹.

В начале 1891 г. Пермская ученая архивная комиссия приняла постановление, которым был «определен порядок вторичного или проверочного разбора дел и форма подробных описей предназначенных для хранения дел»⁴⁰. Все это свидетельствовало о понимании комиссией от-

³⁶ ЛГИА. Ф. 119. Оп. 1. Д. 561. Л. 74 об.–75.

³⁷ Очерк деятельности ПУАК за 1891 и 1892 ... // Тр. ПУАК. Пермь, 1893. Вып. 2. С. 5.

³⁸ См. протоколы заседания ПУАК за 1891 г.: ГАПО. Ф. 297. Оп. 4. Д. 5. Л. 2.

³⁹ ЛГИА. Ф. 119. Оп. 1. Д. 561. Л. 60–60 об.

⁴⁰ Очерк деятельности ПУАК за 1891 и 1892 ... С. 7.

ветственности за возложенное на нее дело, серьезном подходе к работе с документальными материалами. К тому же, не имея до 1893 г. собственного помещения, а следовательно, и возможности создавать свой исторический архив, комиссия могла не особенно торопиться в своей архивной деятельности. Как правило, она не начинала разбор нового архива, не закончив работу в предыдущем. В отчете за 1891 – 1892 гг. говорилось, что до окончания разбора архива Окружного суда комиссия «к подобному ознакомлению с другими архивами правительственных учреждений ... не приступала»⁴¹. В следующем отчете снова указывалось, что разбор новых дел «приостановлен впредь до подробного описания отобранных для комиссии дел»⁴². Но такая практика сохранялась недолго. Если первые годы члены Пермской комиссии (включая нанимаемых чиновников) работали по преимуществу непосредственно с делами в архивах учреждений, то со временем им все чаще приходилось ограничиваться просмотром описей, которыми комиссия с годами оказалась буквально завалена. В неопубликованном отчете за 1896 – 1897 гг. читаем: «В архивную комиссию поступила такая масса описей», что у нее «не хватило сил и шли задержки в просмотре... Затруднение состояло в том, что мало рабочих рук... нет лиц знакомых с делопроизводством всех, как старых, так и новых учреждений»⁴³. На нехватку «рук» жаловался в письме к председателю ПУАК и правитель дел комиссии М. Я. Попов. Он писал, что, приняв архив комиссии, желал бы немедленно приступить к приведению его в порядок, «но приступить к разборке архива одному совершенно немыслимо, необходимо, чтобы в этом приняло участие возможно большее число членов Архивной комиссии, иначе архив наш еще много лет будет представлять собой груду материала...»⁴⁴. Уже в 1895 г. только над просмотром описей работало семь человек, но людей все равно не хватало⁴⁵. Когда в 1896 г. в Пермскую комиссию пришли описи из архива Богословского завода, «охотников разбирать» их не нашлось, и все дела – всего 25 тысяч – «были уничтожены без рассмотрения заводом». Это так подействовало на Я. И. Алфионова,

⁴¹ Очерк деятельности ПУАК за 1891 и 1892 ... С. 5.

⁴² Очерк деятельности ПУАК в 1893, 1894 и 1895 гг. // Тр. ПУАК. Пермь, 1896. Вып. 3. С. 4.

⁴³ ГАПО. Ф. 297. Оп. 4. Д. 7. Л. 48 об.

⁴⁴ Там же. Д. 15. Л. 8.

⁴⁵ Очерк деятельности ПУАК в 1893, 1894 и 1895 гг. С. 4.

что он отказался от обязанностей председателя ПУАК⁴⁶. Судя по отчетам, в 1900 – 1904 гг., когда деятельность Пермской ученой архивной комиссии ненадолго оживилась, а также после ее возрождения с 1912 г. члены комиссии работали только с одними описями.

Приведем некоторые данные о деятельности Пермской архивной комиссии за разные годы (табл.1). Уточним только, что сведения, взятые из отчетов, не отражают общего количества просмотренных и выделенных на хранение дел, так как брались лишь случаи, когда указывались обе цифры вместе.

Таблица 1

Деятельность ПУАК по созданию исторического архива

Год или период	Кол-во просмотренных дел	Кол-во отобранных к хранению дел	Доля отобранных от просмотренных, %
1889	3 000	823	27,0
1890	4 000	176	4,0
1891 – 1892	более 5 000	305	6,0
1900 – 1901	89 148	84	0,1
1902	14 891	82	0,6
1902*	1 289	4	0,3
1912 – 1913	84 429	1564	0,85
1915 – 1916	33 026	3	0,01

* За этот год сведения в отчетах даны дважды.

Эти цифры показывают, что в первые годы существования ПУАК, когда ее члены работали в основном непосредственно с делами, процент отобранных дел был выше, чем при знакомстве только с описями. Но в целом, количество отобранных для исторического архива дел было ничтожно мало, подавляющее большинство документальных материалов члены комиссии были вынуждены обречь на гибель. Такое положение не являлось чем-то исключительным, а было типичным для всех губернских архивных комиссий⁴⁷. Оно вполне соответствовало состоянию и уровню архивного дела царской России, в которой так и не были выработаны критерии отбора исторических документов, отсутствовали точные инструкции по составлению описей, единое архивное законодатель-

⁴⁶ ГАПО. Ф. 297. Оп. 4. Д. 7. Л. 51 об.

⁴⁷ См.: Бржостовская Н. В. Деятельность... С. 89–90.

ство. К тому же постоянный дефицит денежных средств, нехватка или даже отсутствие помещений невольно заставляли членов комиссий ограничивать количество оставляемых дел.

Часто у членов ПУАК просто физически не хватало сил и времени на просмотр большого числа поступавших отовсюду описей. Так, в 1916 г. возник конфликт Пермской архивной комиссии с Уральским горным правлением, которое в 1907 – 1910 гг. уничтожило («через продажу с торгов») 46 756 дел за 1722 – 1863 гг. без заключения архивной комиссии. Узнав об этом, Русское историческое общество, в ведении которого с 1911 г. находились губернские ученые архивные комиссии, прислало запрос Уральскому горному правлению с требованием ответить, «на каком основании и по чьему распоряжению... были уничтожены» указанные дела, и выслать их описи⁴⁸. Из копии ответа горного правления следует, что оно в 1906 – 1907 гг. «препроводило» Пермской комиссии «на предварительное рассмотрение 19 архивных описей делам и книгам третьего разряда ... с тем, чтобы описи ... были рассмотрены комиссией и возвращены в правление в шестимесячный срок» с предупреждением, что по истечении этого срока «дела будут уничтожены». Так и произошло. По поводу же описей было сказано, что «за невозвращением их обратно» прислать их невозможно, а «второго экземпляра при делах не имеется»⁴⁹.

Не удивительно, что Пермская архивная комиссия в 1906 – 1907 гг. не выслала вовремя описи в Екатеринбург: это время пришлось на самый длительный в ее истории бездеятельный период, начавшийся с 1905 г. В тот год, как сказано в одном частном письме, архивная комиссия «по разным причинам, в числе которых одну из главных составляло выбытие многих членов ее из г. Перми...» (в отчете за 1912 – 1913 гг. указана другая причина – «события 1904 – 1905 гг.»), «вынуждена была приостановить свою деятельность на несколько лет»⁵⁰. Она была возоб-

⁴⁸ ГАПО. Ф. 297. Оп. 4. Д. 177. Л. 3–3 об.

⁴⁹ Там же. Л. 26–26 об.

⁵⁰ Там же. Ф. 613. Оп. 2. Д. 743. Л. 16–16 об.

новлена только в ноябре 1912 г., но и позднее заседания ПУАК проводились нерегулярно, нередко их посещали только по 2-3 члена. Исторический архив комиссии почти не пополнялся. К сентябрю 1903 г. он включал 4021 дело (по данным из отчета на запрос министерства внутренних дел⁵¹), а к концу 1916 г. увеличился всего до 4073 дел⁵². В то же время успешно осуществлялась работа по его упорядочению. В 1913 г. проводилась проверка архива, после которой была составлена и опубликована в 1914 г. «Опись делам исторического архива Пермской ученой архивной комиссии» (231 с.), повторенная в 11-м и 12-м выпусках Трудов ПУАК.

Члены комиссии принимали участие в деятельности некоторых общероссийских археологических и областных историко-археологических съездов, которых постоянно печатались в Трудах ПУАК. Начиная с шестого выпуска (1903 г.) в них появилась постоянная рубрика «Из жизни губернских ученых архивных комиссий». С этого же года Пермская комиссия принимала непосредственное участие в работе некоторых съездов.

В 1903 г. на Тверском областном съезде была сделана первая попытка разработать новый проект о губернских комиссиях. Он представлял собой, по сути дела, расширенное Положение 1884 г. с добавлением параграфов о членстве, обязанностях, правах членов комиссии и прочих необходимых в уставе пунктов. Текст проекта был напечатан в Трудах ПУАК, и здесь же был отмечен «главный недостаток проекта», а именно «отсутствие указаний а) на центральный орган единения и взаимопомощи комиссий; б) на право комиссий изучать в архивах не только подлежащие уничтожению материалы; в) на разграничение задач комиссии с губернским статкомитетом и с прочими историческими обществами»⁵³. Эти же мысли звучали в докладе нового председателя ПУАК В. С. Малченко «Официальное назначение и научно-исторические зада-

⁵¹ РГИА. Ф. 1284. Оп. 185. Д. 35. Л. 183 об.

⁵² ГАПО. Ф. 297. Оп. 4. Д. 177. Л. 7 об.

⁵³ Из жизни губернских ученых архивных комиссий // Тр. ПУАК. Пермь, 1904. Вып. 7. С. 115.

чи губернских ученых архивных комиссий», с которым он выступил на том же съезде в Твери. Суть доклада сводилась к тому, что обсуждаемую реформу архивного дела можно было бы «осуществить на почве калачовских... комиссий», обеспечив их только «ежегодной субсидией от казны» и, главное, сохранив имеющуюся «организацию» и «автономность» комиссий, т. е. их самостоятельность и «вневедомственную» подчиненность⁵⁴. Возможность потери самостоятельности и ущемления прав комиссии пугала ее членов. Вот что писал В. С. Малченко в письме к профессору Петербургского университета А. И. Соболевскому в ноябре того же 1903 г.: «Со многих сторон идут неблагоприятные слухи... будто дни нынешних (калачовской формации)... комиссий сочтены и что их место займут отделения реформируемого губернского правления... Хотя мне и не по душе тот проект... который прошел на Тверском съезде... все же он менее бюрократичен...»⁵⁵. В январе 1904 г. в ответ на «отношение» Рязанской архивной комиссии «по поводу предстоящего изменения положения» всех комиссий ПУАК постановила сообщить директору Археологического института свое мнение «относительно желательности сохранения прежнего положения архивных комиссий...», а также чтобы «выражены были яснее и крепче... факторы и органы центрального объединения комиссий между собой... способ научного общения и связи с Академией наук и, наконец, автономная самостоятельность комиссий в губернии... вне зависимости и обязательных для нее указаний от ... учреждений и ведомств»⁵⁶.

Таким образом, централизацию архивного дела комиссии связывали прежде всего с его «бюрократизацией». Вот так объясняет эту ситуацию Н. В. Бржостовская: «Опасения, что централизация архивов приведет к насаждению в них бюрократических порядков, свойственных администрации царской России, разделялись как некоторыми реакционными элементами, так и частью прогрессивно настроенных членов ар-

⁵⁴ Труды ПУАК. Пермь, 1905. Вып. 9. С. 6–12.

⁵⁵ ГАПО. Ф. 297. Оп. 4. Д. 114. Л. 1–1 об.

⁵⁶ Там же. Д. 177. Л. 2 об., 6 об.

живных комиссий, считавших, что создание государственных архивов на бюрократической основе может затруднить доступ к документальным материалам и их научное использование»⁵⁷. Видимо, не последнюю роль сыграло здесь и то обстоятельство, что проект реорганизации архивного дела и его централизации был выдвинут на этот раз Д. Я. Самоквасовым, автором вышедшей в 1902 г. книги «Архивное дело в России». В ней Д. Я. Самоквасов подверг резкой критике всю деятельность губернских архивных комиссий, выдвинув против них серьезные обвинения в некомпетентности, уничтожении многих тысяч документов, «растаскивании» фондов и т. д. Даже если эти обвинения и были объективно справедливы (в книге приводились данные на основании отчетов самих архивных комиссий), они были направлены не по адресу, комиссии их явно не заслужили и вправе были надеяться услышать одобрение своему поистине подвижническому труду, тому, что хоть как-то пытались наладить архивное дело на местах, не имея, по сути, ни от кого поддержки. Словом, все архивные комиссии дружно ополчились на Д. Я. Самоквасова, его книгу, а заодно и проект централизации архивов. В августе 1902 г. было проведено совместное заседание Археологического института и 22 членов архивных комиссий, которое выработало постановление по поводу вышеуказанной книги, заклеив выводы Д. Я. Самоквасова как «неправильные», «тенденциозные», «ненаучные». Документ был подписан директором института и представителями восьми архивных комиссий, включая Пермскую⁵⁸.

В мае 1914 г. в Петербурге состоялся съезд представителей губернских ученых архивных комиссий, где обсуждались вопросы их полномочий, организации исторических архивов, материальное положение. Пермскую комиссию на съезде представлял Л. Е. Воеводин. По возвращении, докладывая на одном из заседаний ПУАК о результатах съезда, он определил некоторые его резолюции как «весьма благоприятные для

⁵⁷ Бржостовская Н. В. Вопросы архивного дела на археологических съездах в России (1869 – 1911) // АЕ за 1971 г. М., 1972. С. 103.

⁵⁸ ЛГИА. Ф. 119. Оп. 1. Д. 133. Л. 2–3.

комиссий». Прежде всего Л. Е. Воеводин отметил решение съезда через Русское историческое общество «ходатайствовать... о составлении постоянных для комиссий штатов с платными должностями и средствами на издание “Трудов” и содержание исторических архивов», что было давней вожеленной мечтой всех архивных комиссий. Правда «ходатайствовать» еще не значило получить. То же можно сказать о резолюции съезда относительно того, что «архивы, особенно исторические, должны храниться в каменных отапливаемых помещениях, но ни коим образом не в подвалах или чердаках». С особой радостью сообщил Л. Е. Воеводин коллегам решение съезда, касавшееся расширения прав комиссий. «Отныне, – сообщал он, – ни одно из учреждений не будет иметь права уничтожать дела без ведома комиссий», что распространялось «не только на земства и волости, но и на учреждения, обязанные давать публичные отчеты»⁵⁹.

До сих пор мы говорили об одной стороне деятельности ПУАК – архивной. Но Пермская комиссия переросла возложенные на нее первоначальные задачи по упорядочению архивного дела в регионе и стала, по существу, одним из уральских научно-краеведческих обществ, много внимания уделяя изучению края в его историческом, археологическом, археографическом, этнографическом и других аспектах. Результаты этих исследований, часто опиравшихся на конкретные исторические документы, публиковались в Трудах ПУАК. Постоянная нехватка средств на издание сказалась на их количестве – вышло всего 12 номеров. Но члены архивной комиссии находили возможности публиковать свои статьи в Записках УОЛЕ, Пермских губернских ведомостях, других изданиях земства и статкомитета⁶⁰. Кроме того, нужно иметь в виду, что многие из них являлись одновременно членами других научно-краеведческих обществ (Урала и, например, Казани), что давало им, так сказать, законное право публиковаться в Трудах и Записках этих об-

⁵⁹ ГАПО. Ф. 297. Оп. 4. Д. 172. Л. 8.

⁶⁰ См.: *Кравцов В. Ф.* Библиографический обзор земской статистической и оценочной литературы, 1864 – 1903 гг. СПб., 1913. Вып. 2. Пермская губерния. С. 152–165.

ществ. Выходили и отдельные издания ПУАК, причем их можно назвать больше, чем перечислено в «Указателе» О. И. Шведовой⁶¹, если дополнить список работами А. А. Дмитриева – крупнейшего историка дореволюционного Урала⁶², трудами известных уральских археологов Ф. А. и А. Ф. Теплоуховых, ботаника П. В. Сюзева, местных краеведов И. Я. Кривошекова, В. С. Верхованцева, И. Г. Остроумова и др. Последний, к примеру, был одним из организаторов Пермского научно-промышленного музея и редактором его «Материалов по изучению Пермского края».

Поскольку все публикации членов комиссии трудно учесть, проанализируем только Труды ПУАК. Они имели 2 отдела – официальный и научный. В первом публиковались законодательные акты по архивному делу, положения об Археологическом институте и губернских учебных архивных комиссиях, министерские циркуляры об охране памятников древности, распоряжения местных властей о разборе архивов, уставы научных обществ (московского Общества истории и древностей российских, Общества любителей истории, археологии и этнографии Чердынского края) и т. п. Характеристика публикаций научного отдела Трудов представлена в табл. 2 и 3.

Таблица 2

Публикации научного отдела Трудов ПУАК

Характер и вид публикаций	Кол-во публикаций
Письменные источники	5
Источниковедческие материалы	2
Исследования	33
Статьи, заметки (до 4 страниц)	22
Биографии, некрологи	8
Библиография, справки о местных изданиях	6
Описи дел	4
Указатели дел, описания архивных материалов	9
Разбор архивов (состояние местных архивов, теоретические вопросы по описанию)	7
Материалы археологических съездов	5
Отчеты о деятельности ПУАК	7

⁶¹ Шведова О. И. Указатель «Трудов» губернских ученых архивных комиссий и отдельных их изданий // АЕ за 1957 г. М., 1958. С. 402.

⁶² См.: Андерсон Ф. А. А. Дмитриев как историк Урала // Учен. зап./Перм. ун-т. 1951. Т. 6. Вып. 4. С. 25–48.

Тематика исследований, статей и заметок в Трудах ПУАК

Темы	Кол-во публикаций
История Урала в целом, управление краем	10
История заводов, заводских округов	4
История городов Урала	4
История церквей и приходов	2
Народное образование (учебные заведения Урала)	4
Археология	9
Поземельные отношения, крепостное право	2
Фольклор, этнография, промыслы	5
Деятели Пермского края	3
Прочее	13
<i>Всего:</i>	55

В раздел «прочее» попали единичные публикации на различные темы местной истории, в том числе: о Пугачевском бунте в Екатеринбургском уезде; о подземном ходе, открытом на месте бывшего Пыскорского монастыря; об архитектурных памятниках городов Соликамска и Чердыни; о происхождении слова «чудь»; о быте монастырских крестьян и т. д. Вопреки сложившемуся мнению, что губернские ученые архивные комиссии в своих изданиях много внимания уделяли теме императорской фамилии, в Трудах ПУАК помещена лишь одна заметка «Романовы и Пермский край», напечатанная по случаю юбилейного для императорского дома 1913 г.

Несмотря на различный научный уровень публикаций Трудов ПУАК, их вклад в развитие местных краеведческих исследований несомненен, и его еще предстоит оценить должным образом. Показательно здесь само стремление членов комиссии вывести ее из рамок чисто «архивной» и «повысить» до уровня научного общества. Это стремление проявилось не только в публикациях, но и в практической деятельности.

Много внимания уделяла Пермская архивная комиссия археологии. Остановимся на этом вопросе подробнее. Прежде всего отметим, что все архивные комиссии России занимались археологической деятельностью, которая выражалась «в производстве раскопок, осмотре и реставрации старинных храмов и других зданий, в сношениях с отдельными лицами и учреждениями по поводу предметов и статей археологи-

ческого содержания и образовании археологических музеев путем раскопок, пожертвований и покупок». Не случайно архивные комиссии часто назывались местными историко-археологическими обществами⁶³.

В мае 1894 г. Императорская Археологическая комиссия обратилась к пермскому губернатору с просьбой о выявлении сведений о «находимых в пределах Пермской губернии древностях камской чуди». Губернатор переадресовал это задание Пермской архивной комиссии. И уже в сентябре того же года Археологическая комиссия благодарила председателя ПУАК Н. Н. Новокрещенных за доставленные ей первые предметы археологических раскопок, обещая после описания вернуть их⁶⁴. Из ответа Пермской архивной комиссии видно, что она серьезно отнеслась к этой просьбе, «задавшись целью собрать со временем в Пермском музее все относящиеся к чуди» находки и обязуясь при этом посылать их в Археологическую комиссию (с условием их возвращения). При этом ПУАК писала о тех трудностях, с которыми ей приходилось сталкиваться, и прежде всего об отсутствии общих «правил об охране археологических памятников». Пермской комиссией была даже издана специальная брошюра, где указывалось, «на что должно обращать внимание исследователей при описании памятников...» Но понимая, что этого явно недостаточно, ПУАК обращалась к Археологической комиссии с просьбой, «не найдет ли» та «возможным и полезным издать в виде брошюры все законоположения о находках, об охране памятников, о праве раскопок, исследований и прочего с пояснением, что разуметь под общественными и другими землями ...»⁶⁵. Но что могла ответить Археологическая комиссия, если закон об охране памятников так и не был принят до революции, если не существовало даже официального списка исторических памятников и «нигде не было четко сформулировано, какие объекты подлежат охране, что именно надо бе-

⁶³ Рудаков В. Е. Археология и история в трудах губернских ученых архивных комиссий // Ист. вестн. СПб., 1901. Т. 86. С. 1094, 1097.

⁶⁴ ГАПО. Ф. 297. Оп. 4. Д. 15. Л. 14–15, 18–18 об.

⁶⁵ Там же. Д. 20. Л. 27–28.

речь»⁶⁶? Так что эти серьезные и принципиальные вопросы, которые волновали, несомненно, все общества и учреждения России, занимавшиеся археологией, оставались открытыми. При этом труднее приходилось местным обществам, для которых археология не являлась основным занятием: в их составе не всегда были специалисты-археологи, и они, конечно, больше нуждались в координации и инструктировании этого направления деятельности. Поэтому закономерным следует признать вывод К. В. Сальникова, который, говоря о развитии дореволюционной уральской археологии и о роли различных обществ, в том числе Пермской архивной комиссии, в изучении древней истории Урала, указывал, что главная заслуга их в том, что они «накопили значительные коллекции, создали содержательные музеи». Что же касается «широких обобщений», то они к ним «почти не стремились» и не понимали «внутренних процессов развития древнего общества»⁶⁷. Соглашаясь с этим выводом в принципе, подчеркнем, что создание «значительных коллекций» и музеев должно быть поставлено в великую заслугу ПУАК и других обществ. Эти коллекции довольно быстро становились достоянием науки благодаря тому, что определенная их часть на время высылалась в Археологическую комиссию, отдельным ученым-археологам или для экспонирования на общероссийские и другие выставки.

В 1894 г. ПУАК совместно с другим обществом – Пермской комиссией УОЛЕ – организовала в Перми специализированную археологическую выставку, единственную в своем роде в дореволюционной истории губернии.

Эта выставка стала крупным событием в культурной жизни города. Организаторы ставили прежде всего научные задачи, надеясь с ее помощью, с одной стороны, собрать сведения о местонахождении «раскопок, городищ» и выявить частные археологические коллекции, с другой – предоставить возможность местным археологам-любителям для

⁶⁶ Формозов А. А. Страницы истории русской археологии. М., 1986. С. 164.

⁶⁷ Сальников К. В. Некоторые итоги и проблемы изучения древней истории Урала // Из истории Урала. Свердловск, 1960. С. 7.

объединения и общения между собой, показать им «картину жизни доисторических обитателей Пермского края», т. е. наглядные достижения местной археологии. Помимо научных задач, «имелось в виду ознакомление публики с предметами быта чуди», развитие интереса в местном обществе к исследованию древностей Пермского края, что, в свою очередь, должно было помочь предотвратить гибель «случайных находок», которые, по мнению организаторов, «терялись только потому, что многие не знали как их значения, так и употребления»⁶⁸.

Пермская археологическая выставка не имела никаких субсидий от правительственных или общественных учреждений. Она была организована на денежные пожертвования лиц «сочувствующих просвещению» из местных «толстосумов»: кроме обеих комиссий – архивной и отделения УОЛЕ, коллекции для выставки прислала Петербургская археологическая комиссия, музей УОЛЕ и Нижнетагильский музей; отдельные предметы и собрания поступили от 25 частных лиц. Среди них наибольший интерес представляла коллекция древностей пермской чуди наследников Теплоуховых. На выставке были показаны старинные книги и рукописи, фотографии из частных собраний⁶⁹. К дню открытия выставки был отпечатан каталог (позже – дополнение к нему), на время ее проведения организовано дежурство для обеспечения необходимых объяснений посетителям, проводились публичные лекции. По отзыву известного археолога, члена Императорской Археологической комиссии А. А. Спицына, побывавшего на этой выставке, она «не могла быть богатой, но все же представляла значительный интерес и для специалиста»⁷⁰.

Показательно, что Пермская архивная комиссия, как явствует из отчета о ее деятельности, сама «принимала меры сохранения памятников старины в пределах губернии», считая это необходимым. Ею была

⁶⁸ Очерк деятельности ПУАК в 1893, 1894 и 1895 гг. С. 5, 6.

⁶⁹ Там же. С. 8; ГАПО. Ф. 297. Оп. 4. Д. 15. Л. 12–13.

⁷⁰ Известия общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете. Казань, 1894. Т. XII. Вып. 2. С. 177.

издана в 1900 г. целая «Программа вопросов для археологического описания церквей и других изданий», которая прилагалась к особым обращениям – циркулярам, адресованным комиссией (через губернатора) земским начальникам, «с просьбою принять более или менее действительные меры по этому предмету...» Комиссия вступала также «в сношения» «с разными лицами и учреждениями в тех случаях, когда до нее доходили сведения о находках, имеющих научное археологическое значение»⁷¹. В 1898 г. председатель ПУАК сообщал директору Археологического института Н. В. Покровскому о существовании на территории губернии многих «старинных церквей», которые находились без присмотра и гибели. Он писал, что Пермская архивная комиссия даже разослала специально ею изданную «опись редкостей церковных по списку Академии наук» в количестве тысячи экземпляров, но безуспешно («в результате полное молчание»). А между тем, продолжал Н. Н. Новокрещенных, многие из церквей представляют большой интерес для исследователей старины, имеют иконы «на долбленных досках», «изобилуют стеной живописью», объяснить и описать которую некому, и многие вопросы остаются нерешенными по причине отсутствия «знатоков», так как местные «любители» не имеют необходимых знаний. К письму прилагались 10 фотоснимков памятников старины. В ответе Н. В. Покровский только «уведомлял» о передаче этих снимков в музей Археологического института⁷². Помочь Пермской архивной комиссии институт не мог. Внимание комиссии к «церковно-археологическим памятникам» все же не прошло бесследно, оно пробудило интерес к ним в губернии. Об этом писал, например, в 1901 г. священник П. Пономарев, высылая в ПУАК свой «литературный труд» – «Описание церквей и приходов Кунгурского уезда»⁷³.

⁷¹ Очерк деятельности ПУАК в 1893, 1894 и 1895 гг. С. 5. Текст программы см.: ГАПО. Ф. 297. Оп. 3. Д. 264.

⁷² ЛГИА. Ф. 119. Оп. 1. Д. 561. Л. 136–137.

⁷³ ГАПО. Ф. 297. Оп. 4. Д. 45. Л. 3.

О том, что вопрос о памятниках старины не переставал волновать Пермскую архивную комиссию, свидетельствует и переписка другого ее председателя, В. С. Малченко, с Московским археологическим обществом, куда тот в 1903 г. высылал «рукопись реферата о Соликамской архитектуре» А. И. Слупского с 20 снимками, а в начале 1904 г. – фотографии других памятников⁷⁴. Еще раньше, в 1901 г., комиссия сообщала в Археологический институт о своем намерении открыть в Перми археологический музей⁷⁵.

Пермские губернские ведомости в 1900 г. писали об «юбилейном акте» Пермской духовной семинарии, где от архивной комиссии выступила «особая депутация» с приветственным адресом, в котором сообщалось о намерении ПУАК «выяснить историю и современное состояние храмов в Пермской губернии, а также уцелевших в них старых памятников, рукописей, книг» и выражалась просьба к духовному начальству о поддержке. Говорилось и о том, какую ценность для истории представляют «семейные архивы и частные бумаги, а также личные записки и дневники...», в частности, бывших и настоящих семинаристов, и предлагалось «пожертвовать» такого рода бумаги в исторический архив комиссии или «одолжить» ей на время для снятия копий. В конце шел призыв «вообще содействовать поступлению» в Пермскую архивную комиссию «вещных и письменных материалов по истории Пермского края и пермской жизни»⁷⁶. Нельзя сказать, что эти призывы оставались не услышанными. Едва ли не во всех отчетах говорилось о новых поступлениях рукописей, документов, «старинных» карт или планов, присылаемых в комиссию жителями губернии. Ценные коллекции рукописей и архивных материалов и книг были переданы в комиссию после смерти ее членов – В. Н. Шишонко, А. А. Дмитриева, Н. Н. Новокрещенных. Свои библиотеки преимущественно местных изданий «жертвовали» в разное время М. И. Капустин, М. Я. Попов, Ф. В. Мичурин, И. М. Осокин,

⁷⁴ РГИА г. Москвы. Ф. 454. Оп. 2. Д. 296. Л. 2.

⁷⁵ ЛГИА. Ф. 119. Оп. 1. Д. 561. Л. 156 об.

⁷⁶ ПГВ. 1900. № 258.

А. И. Слупский и др. В 1903 г. Пермская комиссия обращалась к редакторам «повременных» изданий, выходивших в губернии, к владельцам типографий с просьбой присылать ей по одному экземпляру всех периодических изданий и книг для комплектования «губернского исторического книгохранилища». Из протокола заседания ПУАК от 1 марта 1905 г. явствует, что комиссия получила в дар от Н. П. Голоушиной «портрет известного Перми доктора Феодора Граля и записки Якова Сергеевича Голоушина в рукописи под заглавием «Винигрет», написанные в форме дневника»⁷⁷.

Все эти факты свидетельствуют о том, как широко понимала свои задачи Пермская ученая архивная комиссия, добровольно взявшая на себя функции местного исторического общества. Это видно и из плана работы, которую намечала комиссия в конце 1914 г. По этому плану на первом месте оставалось «подробное ознакомление со всеми местными архивами губернии... по предварительно составленной программе» согласно с «местными условиями». Дальше предполагалось «составить каталог памятникам старины в виде построек и сооружений; составить список курганов с обозначением исследованных и неисследованных; сфотографировать и сделать описание так называемых писанных камней; сделать свод по полученным уже опросным листам из церквей Пермской губернии о древних церковных предметах»⁷⁸.

Представление о Пермской ученой архивной комиссии будет неполным, если не остановиться на еще одном направлении ее деятельности, а именно – просветительском, ставшем дополнительным вкладом членов архивной комиссии в общественно-культурную, духовную жизнь пермского общества. Приведем некоторые примеры на основании отчетов ПУАК.

Прежде всего, на заседания, где зачитывались научные доклады членов архивной комиссии, приглашались все желающие. О таких от-

⁷⁷ ГАПО. Ф. 297. Оп. 4. Д. 168. Л. 3.

⁷⁸ Краткий очерк деятельности ПУАК в 1913 – 1914 гг. // Тр. ПУАК. Пермь, 1915. Вып. 12.

крытых заседаниях впервые упоминается в отчете ПУАК за 1900 и 1901 гг. Из него ясно, что из 31 заседания 9 проходили «в присутствии посторонних слушателей». На них, помимо докладов, посвященных постановке архивного дела в других комиссиях и странах, желающие могли прослушать сообщения, сделанные на материалах исторического архива ПУАК, такие как: «О положении горнозаводских рабочих во время обязательного труда», «Роль Пермской духовной семинарии в изучении прошлого Пермского края», «О людях, искавших вольности из владения господ своих» и др. В 1902 г. «5 заседаний происходили в присутствии посторонних слушателей». Из шести докладов, прочитанных на них, три были посвящены работе архивных комиссий, один – памяти известного историка А. А. Дмитриева, и еще два сделаны по материалам архива комиссии. О январском заседании 1903 г., посвященном «200-летию указа Петра I о периодической печати», сказано, что оно «привлекло значительное число сторонних слушателей»⁷⁹.

Просветительская деятельность ПУАК позволяла ей несколько улучшить свое материальное положение. С 1891 г. архивная комиссия начинает организовывать специальные лекции для населения. Так, с целью «популяризации научных сведений по русской истории и с целью увеличения издательского фонда» ею был организован в сентябре 1901 г. курс платных публичных лекций известного русского ученого А. А. Кизеветтера «Русское общество XVIII века». Два курса – Н. А. Рожкова «Город и деревня в русской истории» и В. Е. Якушкина «О комедиях Гоголя в связи с историей их текста» – были прочитаны в 1902 г. Доход от лекций составил 37 руб. 30 коп. Первую из них посетило 449 слушателей, вторую – 74. Публичная лекция приват-доцента Московского университета Н. М. Романова «О Рембрандте и его картинах» (1903 г.) принесла «чистый доход» в 27 руб. 90 коп. В 1904 г. комиссии не удалось осуществить, как это было в предыдущие годы, «популяризацию сведений по русской истории», но ею была организована лекция

⁷⁹ Отчет о деятельности ПУАК за 1900 и 1901 гг. // Тр. ПУАК. Пермь, 1904. Вып. 7. С. 121; Отчет... за 1902 г.; Отчет... за 1903 г. // Тр. ПУАК. Пермь, 1905. Вып. 9. С. 138, 142.

приват-доцента Рыбакова о психических заболеваниях, которая привлекла 117 слушателей и дала сбор 85 руб.. Эти деньги полностью были сданы в местную кассу Красного Креста для помощи раненым воинам⁸⁰.

Наконец, рассмотрим вопрос о деятелях Пермской ученой архивной комиссии, их количественную и социальную характеристику. За 30 лет существования в архивной комиссии сменилось до десяти председателей. Первым был избран земский врач, директор народных училищ губернии В. Н. Шишонко – краевед, издавший семитомный сборник исторических документов «Пермская летопись». Но он умер еще до официального утверждения ПУАК, и его место, тоже ненадолго (по причине болезни), занял инспектор народных училищ, профессиональный историк А. А. Дмитриев, автор более 100 научных работ, в том числе восьми монографий под общим названием «Пермская старина». А. А. Дмитриев был редактором первых четырех выпусков Трудов ПУАК. В 1901 г. за большие заслуги в изучении истории края он был избран почетным членом комиссии. В 1890 – 1895 гг. Пермскую архивную комиссию возглавлял директор мужской гимназии Я. И. Алфионов, а после него, вплоть до 1900 г., – горный инженер, археолог-самоучка Н. Н. Новокрещенных, одновременно являвшийся и председателем Пермской комиссии УОЛЕ. В начале века пост председателя занимал член Пермского окружного суда В. С. Малченко, в дальнейшем почетный член ПУАК. Энергичный и деятельный человек, он сумел возродить к жизни архивную комиссию, возобновить выпуск ее Трудов, принимал активное участие в деятельности областных и общероссийских археологических съездов, вел обширную переписку с известными учеными (А. И. Соболевским, А. А. Кизеветтером, В. Н. Сторожевым и др.) и местными «любителями старины». В начале 1905 г. в связи с отъездом В. С. Малченко в Москву его сменил на посту председателя секретарь

⁸⁰ Там же. Подробнее см.: Пирогова Е. П. Просветительская деятельность научных обществ Перми в 90-х гг. и XIX – начале XX в. // Народное образование на Урале в XVIII – начале XX вв. Свердловск, 1990. С. 123–132.

губернского присутствия З. М. Благонравов⁸¹, который не успел себя ничем проявить, так как деятельность Пермской архивной комиссии надолго замерла. В 1910-е гг. «исполняющими обязанности» председателя были присяжный поверенный М. Я. Попов, а с сентября 1914 г. – Л. Е. Воеводин. При этом в документе 1914 г. говорилось, что «председателя нет и желающих занять эту обязанность не находится». В декабре 1917 г. председателем ПУАК становится в будущем известный советский историк и академик Б. Д. Греков, а товарищем председателя – эмигрировавший в 1920 г. на Запад и потому более известный в США, нежели у себя на родине, историк Г. В. Вернадский (оба были тогда профессорами открытого в 1916 г. в Перми университета). В феврале 1919 г. их сменили ненадолго соответственно профессор С. П. Обнорский и П. С. Богословский⁸².

Периоды спада деятельности ПУАК хорошо прослеживаются и на изменении количественного состава ее членов. Ниже приведены данные только за имеющиеся в отчетах годы:

Год	1892	1893	1900	1902	1903	1904	1905	1913
Кол-во членов ПУАК	115	111	102	126	125	66	62	70

Цифры показывают, что к 1900 г. численность членов Пермской архивной комиссии по сравнению с 1892 г. сократилась, что явилось отражением кризисного, застойного состояния в ее жизни. С 1900 г. наблюдался некоторый подъем в деятельности ПУАК, что сказалось и на количестве ее членов: оно выросло до 126 человек в 1902 г. Но подъем этот, как мы отмечали выше, не был продолжительным, и в 1904 – 1905 гг. последовало резкое (почти в два раза) сокращение состава ПУАК. Новое возрождение комиссии с 1913 г. уже не привело к значительному увеличению числа ее членов. К тому же, как ясно из списка 1913 г., больше половины из них (37 человек) были иногородними.

⁸¹ ГАПО. Ф. 297. Оп. 4. Д. 168. Л. 2 об.

⁸² Там же. Д. 178. Л. 2–2 об., 7.

В списки включены кроме действительных и почетные члены ПУАК. В их числе в разное время были: академики А. Ф. Бычков и Л. Н. Майков, профессора Казанского университета Н. А. Фирсов и Д. А. Корсаков, историк И. Е. Забелин, директор Петербургского археологического института И. Е. Андреевский, члены других губернских ученых архивных комиссий А. К. Жизневский, А. С. Гациский, А. В. Селиванов, В. Г. Пирогов и др. (число почетных членов колебалось от 10 до 23 человек).

Рассмотрим социальную характеристику действительных членов ПУАК, проанализировав для этого два списка – за 1892 и 1902 гг. (табл.4). Эти списки – глухие. Для получения сведений о включенных в них людях использовались протоколы заседаний ПУАК, в которых иногда сообщалось о роде занятий новых членов. Дополнением к ним послужили несколько десятков сохранившихся заявлений о принятии в члены архивной комиссии⁸³. Многие сведения получены из Адрес-календарей и Памятных книжек Пермской губернии. Так, по алфавитному указателю должностных лиц губернии удалось определить социальное положение, а иногда и место работы членов архивной комиссии.

Таблица 4

Социальная характеристика действительных членов ПУАК

Социальная группа	1892 г.		1902 г.	
	Кол-во	%	Кол-во	%
Чиновничество	18	19,6	14	12,4
Земская администрация	5	5,4	7	6,2
Интеллигенция	51	55,4	68	60,2
Промышленники	2	2,2	1	0,9
Купцы	4	4,4	3	2,7
Помещики	–	–	1	0,9
Духовенство	6	6,5	8	7,1
Военные	1	1,1	1	0,9
Нет данных	5	5,4	10	8,7
<i>Всего</i>	92	100,0	113	100,0

⁸³ГАПО. Ф. 297. Оп. 4. Д. 45. Л. 12–43.

Из табл. 4 видно, что больше половины членов ПУАК, как этого и следовало ожидать, являлись представителями интеллигенции. Поскольку это самая многочисленная и неоднородная группа, характеризую- ем ее по профессиональному признаку (табл. 5).

Таблица 5

Профессиональный состав интеллигенции ПУАК

Сфера деятельности	1892 г.		1902 г.	
	Кол-во	%	Кол-во	%
Техническая	13	25,5	14	20,6
Юриспруденция	9	17,7	17	25,0
Здравоохранение	3	5,9	5	7,4
Образование	18	35,3	25	36,8
Сельское хоз-во	6	11,8	5	7,4
Прочие	2	3,9	2	2,9
<i>Всего</i>	51	100,0	68	100,0

Итак, по профессиональному признаку на первом месте в составе Пермской ученой архивной комиссии стоит интеллигенция, занятая в сфере образования (35 – 37 %) – это директора, инспектора и преподаватели гимназий, училищ (отметим, что в ее составе не оказалось представителей народных, сельских учителей). Что касается следующей по численности группы – технической интеллигенции (21 – 26 %), то она представлена в комиссии не только высшим слоем (управляющие и помощники управляющих заводских округов), но и средним (управители заводов и их помощники) и даже низшим слоем (рядовые инженеры путей сообщения, техники).

Юридические работники-члены ПУАК – это прокурор, нотариус, мировые и городские судьи, судебные чиновники, следователи и присяжные поверенные. К системе здравоохранения отнесены только врачи (более точную информацию источники не дают), а к сельскому хозяйству – ветеринары, статистики, землемеры, агрономы.

Приведенные данные свидетельствуют о значительном влиянии в составе ПУАК представителей дворянско-буржуазной прослойки. Помимо высших и средних слоев технической интеллигенции, работников

в сфере образования, юристов, врачей, сюда относятся представители земской администрации, промышленники, купцы, помещики, военные — это подавляющее большинство всех членов комиссии. В то же время общественно-политический и культурный подъем в регионе, о чем говорилось в начале статьи, проявился и в том, что в сферу активной деятельности — экономической, культурной — вовлекались все более широкие демократические слои.

В составе Пермской ученой архивной комиссии активную роль играли рядовые инженеры, статистики, агрономы, среднее и мелкое чиновничество.

* * *

В заключение остановимся на последнем, непродолжительном, но ярком периоде в истории ПУАК. 1 декабря 1917 г. в ее состав влились профессора Пермского университета Б. Л. Богаевский, К. К. Буга, Л. А. Булаховский, Г. В. Вернадский, А. И. Вольдемар, Б. Д. Греков, В. Э. Крусман, С. П. Обнорский, Н. П. Оттокар, а также ставший к тому времени приват-доцентом Московского университета Б. Н. Вишневский и профессор Харьковского университета Д. К. Зеленин. Тогда же в члены ПУАК были приняты «любитель-археолог» из Екатеринбурга Н. П. Тихонов и мировой судья В. А. Собянин. Через 10 дней этот список пополнился еще несколькими профессорами Пермского университета: Л. В. Успенским, А. П. Дьяконовым и В. В. Ломанским, а также неким «г. Метаниевым»⁸⁴.

Одно из заседаний архивной комиссии в феврале 1918 г. под председательством Б. Д. Грекова было целиком посвящено вопросу вступления комиссии в создаваемую при университете Ассоциацию для изучения местного края, ставившую своей задачей объединение всех научных сил региона. На собрании было решено, что такое объединение желательно и целесообразно и что в Ассоциацию, кроме ПУАК, должны влиться Пермский научно-промышленный музей, Церковно-

⁸⁴ ГАПО. Ф. 297. Оп. 4. Д. 176. Л. 3; Д. 178. Л. 1–2 об.

археологическое общество, Кружок по изучению Северного края, а также Общество истории, археологии и этнографии Чердынского края, УОЛЕ, музеи в Сарапуле, Осе и др. Указывалось также на «полезность привлечения к работам Ассоциации... уездных земств и уездных городов» при условии, что от последних будут «квалифицированные представители». Поскольку речь шла о «полном» участии всех входящих в Ассоциацию сторон, под чем подразумевалось объединение «своих книг, рукописей и коллекций», то указывалось также на «желательность» привлечения в Ассоциацию научных библиотек Перми – Смышляевской (о которой сказано, что «ее вступление в Ассоциацию уже состоялось»), «а равно библиотеки губернского статистического комитета и губернского земства». Приняв идею объединения книжных фондов, Пермская архивная комиссия оговорила только для себя право оставить в своем «заведовании и пользовании... тех дел и бумаг, которые были переданы от различных правительственных учреждений при официальных отношениях на хранение Комиссии», т. е. речь шла об историческом архиве ПУАК⁸⁵. Кажется странным, что это самоочевидное положение требовало обсуждения. Все говорило о том, что обновленный состав комиссии был очень далек от проблем архивного дела. Решение же объединить все библиотеки города имело в дальнейшем весьма негативные последствия.

В мае 1918 г. на заседании архивной комиссии было решено выделить тысячу рублей «из капиталов Комиссии, хранящихся в сберегательной кассе», на «предстоящие расходы в связи с новым устройством и размещением библиотеки, рукописного отделения и *исторического архива* (курсив мой. – Е. П.) в доме Пермской научной ассоциации». А в феврале 1919 г. новый председатель ПУАК С. П. Обнорский сообщал собранию, что «архив и книги находятся в настоящее время в полном беспорядке»⁸⁶. Вот только когда правление комиссии спохватилось! В

⁸⁵ ГАПО. Ф. 297. Оп. 4. Д. 178. Л. 3-4 об.

⁸⁶ Там же. Л. 5-7.

газете «Свободная Пермь» (орган Временного Сибирского правительства А. В. Колчака) было опубликовано открытое письмо президиума комиссии, где высказывалось недовольство по поводу слияния библиотеки архивной комиссии и музея и приводились доказательства ее «разрушения». Авторы письма утверждали даже, что проект Ассоциации «не вызвал особенно широкого к себе участия». Так или иначе, но было уже поздно. Именно в 1919 г. библиотекам Перми был нанесен непоправимый урон. Но это уже другая тема.

Подводя общие итоги, можно с уверенностью сказать, что в деятельности ПУАК наглядно отразились недостатки, присущие всем губернским архивным комиссиям: чрезвычайно слабая материальная обеспеченность, межведомственная подчиненность, нехватка квалифицированных специалистов. Беда всех архивных комиссий заключалась в том, что, решая сложнейшую задачу создания исторических архивов на местах, они не были обеспечены ни правами, ни средствами, ни помещениями. Именно поэтому как учреждения, созданные для упорядочения архивного дела, они были заранее обречены на неудачу. В то же время нельзя забывать, что благодаря деятельности ПУАК удалось сохранить многие местные архивы и документы, которые легли в дальнейшем в основание Пермского областного архива.

Велико значение ПУАК как местного научно-краеведческого общества. Заслугой ее является создание богатой музейной коллекции и библиотеки, составивших основу крупнейшего на Урале Пермского краеведческого музея. Совместно с другими обществами губернии члены архивной комиссии служили делу развития научных исследований на Урале, заложили основы научного краеведения и местной историографии, вели просветительскую работу, осуществляли научные связи с другими регионами страны, с университетами и научными обществами. Не случайно в 1918 г. ПУАК предлагала провести очередной XVI археологический съезд в Перми – городе, который, как говорилось в ее обращении к предварительному комитету по устройству съезда, «становится значительным культурным центром»⁸⁷.

⁸⁷ РГИА г. Москвы. Ф. 454. Оп. 2. Д. 527. Л. 10.